

Сута, старый повелитель ньютеров Тарна, стоял на коленях перед гробницей первой Астар. Он пробыл в этой позе долгое время, и кости у него начало ломить. Опершись дрожащими руками о край саркофага, Сута встал. Ждать оставалось недолго. Скоро ОНИ придут. У старика оставалось несколько помощников, которые приносили вести с поля сражения. Последний гонец прибыл к дверям Святилища всего минихронос назад.

Он стоял, разглядывая лицо мумии, так похожее на знакомые черты двух правительниц Тарна. Эта Астар была первой.... А та, что отравлена Исмой полтора хроноса назад, стала последней. В этом Сута был уверен. Появление Романа все изменило. Тарн и сам начал меняться. Как надеялся Сута, к лучшему. Жаль, что он не в силах увидеть будущее, жаль.

Старик вздохнул, вернулся к Бассейну и посмотрел на мерцавший в хрустальной глубине сосуд. Роман, разумеется, был прав. Сейчас Сута понимал это, хотя господин никогда не раскрывал перед ним до конца своих планов. Сначала Энергии несла добро; теперь – зло. Божественная Энергия покорила всех – от правителей до последнего цебоида. И Энергия должна исчезнуть. Чем Роман намеревался ее заменить, Сута не знал. Впрочем, это – его проблема.

Рядом с ньютером, на тексиновом обрамлении Бассейна, лежала стопка пластинок. В долгие часы ожидания он писал длинное письмо-исповедь. Когда-нибудь Роман найдет его. Или не найдет – неважно. Главное – привести в порядок свои мысли и чувства, те, о которых он даже не подозревал.

Он с удивлением понял, что испытывает глубокую жалость к Хончо. Само ощущение, было непривычным для него, но древнее забытое слово легко всплыло в памяти. Жалость... Странное чувство! Да, ему жаль Хончо. Они были так схожи... Ньютеры с мозгом гомида, результат случайной ошибки... слишком нелепое сочетание, слишком жестокое... Его силы ушли на овладение Знанием, на поиски Истины. Иначе – кто знает; – судьба бунтовщика Хончо стала бы и его судьбой.

Сута взял чистый лист и поднес к нему пишущий стержень. Потом, словно в нерешительности, отложил гибкую пластинку в сторону и взял верхнюю из пачки на краю Бассейна глаза его забегали по ровным строчкам, четко выделявшимся на белом фоне.

«Мой господин Роман!

Я пишу скорее для себя, не надеясь, что ты сможешь прочитать эти страницы. Мне неведомы ни причины, по которым ты прибыл в Тарн, ни цели, поставленные перед тобой властями вашего мира. Но я верю, что ты послан во спасение Тарна. Ты должен перестроить, возродить его. Но сначала тебе придется разрушить старый Тарн, жестокий, приходящий в упадок, невежественный в своей великой мудрости. И я, Сута, слабым разумом своим понял, что должен помочь тебе. Потому я сделал то, что сделал. Возможно, ты лучше меня поймешь мотивы этого поступка и отыщешь слова – древние слова, забытые у нас, – чтобы оценить его. Возможно.... Сам я могу только догадываться о них. И могу действовать. Но я боюсь,... очень боюсь!»

ОНИ уже идут. Сута отложил лист и повернулся лицом к дверям. До сих пор понятие боли оставалось незнакомым ему, что ж, у него есть шанс познать нечто новое. Конец будет нелегким, а ньютеры никогда не отличались мужеством. Впрочем, если он все же решится,...

ОНИ пришли.

Исма в разорванном плаще, в разбитых, погнутых доспехах шагнула в Святая Святых. Шесть женщин шли за ней и Зард, второй в Совете. Глаза его мерцали предвкушением.

Кажется, жрицу не беспокоило то, что в Святилище появились чужие. Не склонив головы, она быстро обогнула саркофаг первой королевы и направилась к Суте. Старик отвесил низкий поклон.

- Приветствую Исму, Верховную Жрицу Тарна, победительницу. Я слышал, хорошие вести? Питцины уничтожены?

- В том нет твоей заслуги, Сута, - темные глаза пристально смотрели на него. - Ты сидел тут в безопасности. И ты лишил меня энергии! Меня! Исму! Как ты посмел?

Сута мягко улыбнулся.

- Я посмел, госпожа, я посмел.... Ты знаешь, кто дал мне такой приказ. И погляди, разве все не сложилось к лучшему?

Исма нахмурилась, меч дрогнул в ее руке. Гневный взгляд жрицы прожигал старика.

- К лучшему? К лучшему, ты сказал? Я потеряла половину своих женщин! Клетка и Питомник пусты! Перебиты почти все цебоиды! Да, старик, ты служил Роману и выполнял его приказы. Слишком усердно служил! И потому стал не нужен мне, - она резко махнула мечом. - Сними цепь! Теперь ее будет носить Зард.

Сута посмотрел на своего помощника и кивнул головой.

- Ну что ж, он долго этого добивался. Надеюсь, теперь ты удовлетворен, Зард?

Ньютер опустил глаза, прячась за спину своей повелительницы. Внезапно Исма ощутила леденящий холод подземелья и с опаской огляделась вокруг. Она знала, что совершает святотатство: непосвященных нельзя приводить сюда. Но так ли это важно? Отныне она и только она одна будет править Тарном; ее слово - закон. А Роман.... Стоит включить энергию, и Роман с его мейдакой нетрудно выследить. Но сейчас - Сута, нужно закончить дело с ним.

- Ты стар, Сута, и разум твой ослаб. Однако я помню, как преданно ты служил долгие сотни хроносов. Поэтому тебя уничтожат безболезненно - Она махнула рукой женщинам: - Взять его! И включить энергию!

- Нет, госпожа, - тихо произнес старик - Тебе не удастся сделать ни того, ни другого.

Он отступил, и прозрачные воды Бассейна сомкнулись над ним Тяжелая туника, предусмотрительно надетая минихронос назад, тянула вниз, в глубину, в бездну. И, погружаясь в бездонный колодец Бассейна, он помнил только о священном сосуде, едва заметно мерцающем среди хрустальной влаги... сосуда, который ждал прикосновения его руки.

* * *

Роман Гилев нахлестывал изнемогавших лошадей и в первый момент не заметил взрыва. Он находился спиной к Урситу и сосредоточил все внимание на еле заметной точке, маячившей далеко впереди. Предчувствие подсказывало ему, что там, на мчавшейся по равнине колеснице, находятся Хончо и Зулькия. Иногда он проносился мимо разрозненных групп питцинских воинов. Мрачные, окровавленные, они упрямо брели на север, к родным ущельям. Роман не трогал их.

Ужасающий грохот заставил его оглянуться. И тут же вихрь ударил в лицо, свирепый ветер, выпущенный неведомыми гигантами с чердака вселенной. Ураган прибил к земле посеы мейна по обе стороны дороги, под его напором колесница вильнула в сторону и, увлекая за собой лошадей, завалилась набок. Роман был отброшен метров на десять, но густые заросли мейна смягчили удар. Он поднялся на ноги, стараясь держаться подальше от бьющихся в агонии лошадей, и посмотрел на Урсит.

Густой, черный, клубящийся столб дыма поднимался над городом – гигантская колонна, из которой вырастали то призрачные замки с башнями, то чудовищные или печальные лики, осмеивающие или оплакивающие погибшую столицу. Чудовищная мощь Энергетического Бассейна вырвалась наружу. Роман не понимал, как и почему это случилось. Но он знал одно – энергия исчезла. Навсегда. Она уничтожила Урсит и все живое вокруг него. Но равнины Тарна не останутся необитаемыми. Кто-то уцелел – так бывает всегда, при самых страшных катастрофах. И пока он еще здесь, ему придется жить с этими людьми.

Он быстро двинулся по дороге, держа наготове меч. Пеший человек имеет совсем иной статус, чем тот, кто мчится на колеснице. Кое-кто из уцелевших питцинов мог доставить ему неприятности.

Но дикари не приближались к нему. Они предпочитали держаться подальше от Романа и его ужасного меча. Он продолжал идти, иногда переходя на бег, и далекая точка стала постепенно превращаться в пятнышко, которое вскоре распалось на неясные очертания колесницы, лошадей и одинокой человеческой фигуры. Она была неподвижна. Казалось, Хончо больше не хотел спастись бегством.

Роман приблизился, сердце его замерло. Колесница выглядела неповрежденной, лошади спокойно щипали стебли мейна. Обмякшее тело Хончо лежало на дне повозки, голова свешивалась набок, ноги упирались в землю. Зулькия, мейдака, стояла рядом и смотрела на разведчика огромными аметистовыми глазами. Раньше она была обнажена. Сейчас ее талию охватывал обрывок текстиновой ткани.

Хончо мертв. Роман понял это сразу – и забыл про ньютера, словно отодвинув его в прошлое. В настоящем была только Зулькия. Она стояла, гордо выпрямившись, и огненно-бронзовые волосы каскадом струились по плечам, прикрывая обнаженную грудь. Поклонится ли она? – подумал Роман, и странная радость охватила его, когда девушка улыбнулась, не опустив головы. Он остановился в двух шагах от нее.

– Зулькия... Я рад видеть тебя, Зулькия.

Как мало можно выразить словами! Но она поймет. – Он был уверен в этом.

Ее аметистовые глаза, искрящиеся, как море под солнцем, были серьезны.

– Мой повелитель... Я знала, что ты придешь.

– Знала?

– Да, мой господин.

Должно быть, это правда, подумал Роман. Ведь он сам понял с первого взгляда, что встретил самую желанную женщину в Тарне. Сейчас не время искать объяснение. Да и стоит ли?

Он кивнул в сторону мертвого тела Хончо.

- Что случилось?

- Он увидел взрыв и что-то проглотил. Маленький золотистый шарик.

- Он говорил что-нибудь?

- Да. - Девушка едва заметно пожала плечами. - Он сказал: «Роман победил. Мой Тарн и мой Урсит мертвы. Возможно, он и в самом деле бог»

- Так и сказал?

- Да, господин. Слово в слово. Потом посмотрел на меня своими зелеными глазами и умер. Господин...

Роман поднял руку, прервав ее.

- Не называй меня больше так. Я - Роман.

- Ромааан? - она напевно растянула его имя. - Роман? Это означает что-нибудь?

Он подошел к ней, положил руки на бархатные плечи и ласково притянул к себе.

- Это означает поцелуй.

Девушка обвила руками его шею. Искры света мерцали в аметистовых глазах. Поцелуй был долгим.

Не выпуская ее из объятий, Роман посмотрел на мрачное облако, расплывающееся над Урситом. Слабо вздохнув, девушка сказала:

- Урсит погиб. Мы выстроим новый Урсит. Мы - или наши потомки.

Губы ее сложились в неуверенную улыбку.

- Но кто будет править Тарном сейчас?

Роман поднял меч, и лучи солнца, пробившиеся сквозь темную громаду облаков, заиграли на древнем клинке.

- Я буду править Тарном.

Зулькия кивнула. Она принимала это как бесспорный и свершившийся факт. Как нечто само собой разумеющееся. И Роман, несмотря на мучившую его неуверенность, почувствовал, что спокойствие и твердость возвращаются к нему. Это возможно. И это будет сделано!

- Нам придется работать, - сказал он. - И вы, жители Тарна, узнаете тяжесть труда, горечь неудач и ужас перед неизведанным. Но мы справимся, Зулькия, мы справимся, - он поднял глаза к просветлевшему небу, потом окинул взглядом бескрайний простор степи. - Чужим пришел я в ваш мир; и в мире, который я построю здесь, ты тоже сначала будешь чужой. Но ты привыкнешь.

По выражению лица девушки Роман догадался, что она не поняла его. Он вздохнул и погладил ее по плечу. Ничего, она поймет. В свое время. Время являлось той единственной вещью, в которой он был уверен. Но кто знал, сколько еще отпущено ему времени?

- Роман?

- Да?

- Я хотела сказать тебе.... После первой нашей встречи в башне... со мной происходит что-то странное, - она положила руку на живот. - Я читала о подобном в старинных книгах. Но,... но... закон запрещает мне иметь детей.

Роман посмотрел на нее, чувствуя, как теплая волна заливает сердце. Внезапно охрипшим голосом он произнес:

- Законы Тарна изменились! Я, его правитель, объявляю: ты должна родить ребенка! Я даже настаиваю на этом!

Он нежно поцеловал аметистовые глаза. Ощущение тепла под сердцем ширилось, росло, голова кружилась.

С самого начала эксперимента, еще в первых путешествиях в Альбу и Кат, Романа подстерегала одна опасность. Он мог потерять себя - навсегда потерять того Романа Гилева, который некогда существовал в земном измерении. Сейчас это случилось. Почти случилось. Роман тарниотский, прошедший через кровавую битву и запутавшийся в тенетах любви, забыл о Романа земном, агенте, участнике научного эксперимента. И когда внезапное головокружение сменилось болью в висках, он был искренне удивлен.

Прелестное лицо Зулькии начало расплываться, терять очертания, форму. Роман пронзительно вскрикнул - боль становилась нестерпимой. Девушка не выпускала его из объятий, глаза ее тревожно потемнели.

- Роман! Что с тобой? О, боги! Ты... ты...

Равнины Тарна замерцали, заискрились и легкой дымкой излетели к небесам. Десятки раскаленных солнц взорвались у него в мозгу. Он хватался за девушку, чувствуя, как тает, испаряется под руками теплая плоть. Он уплывал в безвременье, в никуда, в космическую бездну.... В последний раз Роман посмотрел на Зулькию, ибо понял, что пробил час, и доктор Максимов отзывает его обратно. Она, как птица, вспорхнула с его ладони и понеслась вверх, окруженная аметистовым сиянием.

Сознание еще не покинуло Романа, он ощущал твердую рукоять драгоценного меча под локтем, но теплое живое сокровище уже вырвалось из его рук. Он услышал свой голос. Сквозь бездны пространства, из неизмеримой дали едва слышно донеслось:

- Зул... я! Лю...

Он исчез.